

Янь Фуи высвободил свой духовный меч жизни — верного «Увана». Клинок, способный сейчас принять лишь крохотный, почти игрушечный облик, без труда перерубил навесной замок на дверях.

Чувствовал он себя скверно. Крохи духовной энергии, что давал «Уван», были ничтожны, а тело, лишённое духовных костей, походило на дырявый кувшин. Даже если через верный клинок удавалось коснуться ци неба и земли, она не задерживалась внутри и мгновенно рассеивалась. О том, чтобы вступить в бой, не шло и речи.

Да и не хотелось ему воевать. В голове всё ещё шумело. Янь Фуи желал лишь одного: забрать Сяохуа и поскорее убраться отсюда. Он ни в коем случае не должен был навлечь на неё беду.

Стояла глубокая ночь, во дворе — ни души. Усадьба градоначальника казалась пугающе безмолвной, точь-в-точь как та мрачная комната, в которой он очнулся.

Янь Фуи взял девчущку за руку. Они шли беспрепятственно — на их пути не встретилось ни единого слуги. Лишь когда они добрались до переднего двора, со стороны главных ворот донёсся смутный гул голосов.

Янь Фуи замер.

Сяохуа тоже услышала шум; она подняла на него глаза, сжимая его пальцы, и послушно молчала.

Снаружи неистово кричали. Похоже, толпа заполонила улицу у ворот и требовала впустить их внутрь.

— Господин маркиз, уйдите с дороги! Как можно укрывать этого подлеца в нашем Мосяне?!

— Ведь сам его орден разослал приказ о поимке! То, что он совершил... от этих злодеяний кровь стынет в жилах! Кто знает, сколько ещё бед он принёс?!

Но сквозь яростный рев пробивались и робкие, слабые голоса:

— Молодой господин Янь не злодей! Он защищал нас по дороге сюда... И все видели, как самоотверженно он оборонял стены в эти дни!

Но этот ропот был слишком слаб и мгновенно потонул в шквале обвинений.

— Ишь чего удумали! С какой стати чужаку рисковать жизнью ради вас? Совсем ума лишились!

— Говорят, прошлой ночью он осквернил и сровнял с землёй всё кладбище для безродных! Уничтожил все кости! Наверняка практикует тёмные искусства и собирается принести в жертву весь наш город ради своих пилюль!

— Кричал, что защитит Мосян, а где он был сегодня утром? Спрятался в резиденции градоначальника и носа не показывает целый день!

— Гнать его в шею! И этих недоумков деревенских вместе с ним пускай вышвыривают!

Шум становился невыносимым, слышались звуки потасовки и ударов. До ушей Янь Фуи долетал голос Юй Чанмина, который изо всех сил пытался утихомирить толпу, но в его тоне сквозила беспомощность. Маркизу приходилось несладко.

«И впрямь, разве могло быть иначе?» — с грустной усмешкой подумал Янь Фуи.

Из сбивчивого рассказа Сяохуа было ясно, что произошло. Улицы заполнили указы Куньлуня о поимке беглого предателя, а тут ещё и молодой хозяин Долины Десяти Тысяч Демонов явился собственной персоной. Вполне естественно, что люди испугались: укрывать Янь Фуи — значит навлечь на себя гнев всей Долины Десяти Тысяч Демонов.

Человеческая природа такова, что каждый ищет выгоду и бежит от беды. Для Мосяня укрывать его сейчас — смертельный риск. И всё же...

Эти беспочвенные наветы, злые обвинения и безвыходность, из которой нет спасения... Всё это казалось до боли знакомым. Настолько, что Янь Фуи на мгновение растерялся и засомневался в самом себе. Почему всякий раз, что бы он ни делал, он неизменно оказывался виноватым? Почему его всегда клеймят позором, заставляя окружающих страдать?

Ворота резиденции наконец с треском распахнулись под напором разъярённой толпы. А может, стража просто не слишком усердно их защищала.

Людское море хлынуло во двор. Янь Фуи стоял в самом центре, закрыв широким рукавом Сяохуа и увлекая её себе за спину.

Встретившись с его бездонным, спокойным взглядом, беснующаяся толпа на мгновение притихла, растеряв былую спесь.

— А глаза-то у него целы! Он всё видит! — истошно завопил одноногий уличный торговец, оказавшийся самым глазастым.

Янь Фуи помнил этот голос. Этот юноша помогал защищать город и потерял ногу во время налёта демонических стервятников. В тот день именно Янь Фуи оторвал полосу ткани от своей глазной повязки, чтобы перетянуть ему сочащуюся кровью культю, а затем на собственной

спине унёс израненного парня с крепостной стены.

— Он действительно водил нас за нос! — взревел дородный купец, яростно потрясая кулаками.
— Я с самого начала заприметил его разбойничью рожу! Сразу видно — душегуб!

И этот голос Янь Фуи тоже помнил. Когда Мосянь осадили сонные кошмары, в доме этого богача один за другим гибли близкие. Соседи, заподозрив купца в одержимости тёмными силами, решили заживо сжечь его на костре. Тогда Янь Фуи заступился за несчастного, выманил демона сна и пригвоздил тварь к земле одним точным ударом меча.

У Янь Фуи была слишком хорошая память. Он помнил сотни голосов: истошные крики боли, хрипы умирающих и то, как те же самые люди со слезами умиления благодарили богов, когда он, развернув Формацию Малого Светлого Владыки и очистив источники, избавил город от смертоносной чумы.

И теперь он наконец-то разглядел их лица.

— Мы уже донесли Долине Десяти Тысяч Демонов! — бесновалась толпа. — Тебе не уйти!

Но среди разъярённых крикунов всё же оставались те, кто пытался защитить его: хрупкие женщины, безусые юнцы. Янь Фуи разглядел в толпе жителей деревни Лаотан, покрасневшего от злости Старого Цинтоу, который в бессилии топал ногами, и дряхлую, опирающуюся на клюку бабушку Сяохуа.

Толпа исходила бешеной злобой. Люди с багровыми, искажёнными яростью лицами наперебой выкрикивали мнимые преступления и коварные умыслы Янь Фуи. Они словно позабыли, что поначалу просто хотели выставить чужака за ворота ради собственной безопасности. Теперь же они искренне верили, что перед ними исчадие ада, и долг каждого честного человека — связать злодея и выдать его на расправу господам из Долины Десяти Тысяч Демонов.

Заступников объявили пособниками тёмного заклинателя. Янь Фуи видел, как их швыряли на землю, избивали; у кого-то уже текла кровь по лицу. Несколько человек наспех связали веревками, грозясь выкинуть из города вслед за их «хозяином».

Янь Фуи перевёл взгляд на Юй Чанмина. Славный и благородный правитель не решился встретиться с ним глазами и поспешно отвернулся. И это тоже было объяснимо.

Долг Маркиза, Обнимающего Меч, — защищать свои земли и подданных. Кто для него Янь Фуи? Случайный бродяга, безвестный путник. Если его выдача усмирит гнев толпы и спасёт город, то мимолётный укол совести — ничтожная цена за благополучие тысяч. Вполне выгодная сделка.

Только Сяо Фэна нигде не было видно.

Янь Фуи тихо вздохнул.

Он не мог поднять руку на этих людей. Даже просто направить на них обнажённое лезвие было нельзя: малейшая вспышка духовной энергии — и Формация Малого Светлого Владыки рухнет. И кто тогда защитит Мосян от полчищ нечисти, когда город останется беззащитным? Неужели они надеются на милость Долины Десяти Тысяч Демонов?

В городе оставалось слишком много безвинных душ, едва оправившихся от недавней беды. Он не мог собственноручно ввергнуть их обратно в бездну. Ирония судьбы: Небесный демон расшиб лоб, пытаясь сломить его дух в Иллюзорном царстве Великого Небытия, а простые смертные играючи справились с этой задачей сами.

Что ж, пусть будет так.

Сяохуа снова расплакалась от бессильной злобы. Она отчаянно рвалась вперёд, пытаясь пинать наседавших мужчин. Янь Фуи мягко опустил ладони на худенькие плечи девочки и поднял взор на искажённые яростью лица перед собой.

— Довольно шуметь.

Его чистый голос, охрипший от усталости, прозвучал негромко, но в нём было столько леденящей силы, что крики мгновенно затихли. Толпа замерла.

Янь Фуи стоял без оружия. Он медленно развёл пустые ладони в стороны и ровно произнёс:

— Я пойду с вами.

Он скользнул взглядом по избитым, перепачканным в грязи деревенским бедолагам, что пытались заступиться за него.

— Но их — отпустите. Пусть остаются в городе.

— Как бы не так! — выкрикнул кто-то из толпы, набравшись храбрости. — Эти предатели заодно с тобой! Кто поручится, что они не устроят тут поджог или резню?!

Янь Фуи вновь посмотрел на Юй Чанмина. Его взгляд, ясный и пронзительный, заставил маркиза поднять голову и принять этот немой вызов.

Янь Фуи повторил тише, но твёрже:

— Отпустите их.

Ресницы правителя дрогнули. После короткого колебания он глухо выдохнул:

— Хорошо.

В груди у решительного и непреклонного Юй Чанмина вдруг заняло, словно чья-то невидимая рука тисками сжала его сердце.

«Я поступаю правильно, — судорожно убеждал себя маркиз. — Иного пути нет. Глупо губить весь удел ради одного опального ученика Куньлуня. Ссориться с Долиной Десяти Тысяч Демонов ради него — безумие».

Он не имел права на благородные порывы. На плечах правителя Мосяня и Маркиза Великой Ся лежало слишком много жизней. Да, Мосянь устоял благодаря Янь Фуи, но ведь тот сражался и ради собственной шкуры тоже? В безвыходных ситуациях всегда приходится жертвовать малым во имя великого.

«Я позабочусь об этих крестьянах. Сберегу их жизни — это искупит мой долг перед ним».

Мысли Юй Чанмина путались, превращаясь в грязный ком самооправданий. Чем усерднее он искал доводы в свою пользу, тем отчётливее видел собственную низость. Когда-то он уверял Фэн Сюя, что никогда не совершит ничего постыдного, что всегда будет верен клятве, данной их общему спасителю.

Но жизнь сурова. Обретая власть и ответственность, человек неизбежно предаёт собственные идеалы.

«Главное... никогда больше не вспоминать об этом дне. И пусть Сяо Фэн никогда ничего не узнает».

Солдаты шагнули вперёд, с лязгом стягивая запястья Янь Фуи тяжёлыми железными кандалами. Он попытался осторожно подтолкнуть Сяохуа в сторону плачущей старухи, но девочка вцепилась мёртвой хваткой в подол его белоснежного халата.

Янь Фуи растерянно вздохнул. Перехватив звенья цепей, он присел перед малышкой и мягко заговорил:

— Послушай меня, глупышка. Снаружи очень опасно. Будь умницей, не заставляй бабушку плакать... Завтра вы вместе пойдёте искать ваших родителей, хорошо?

Но девочка лишь упрямо сжимала губы и отчаянно мотала головой. Она цеплялась за него изо всех сил, словно летучая мышь, намертво прильнувшая к отвесной скале.

— Сяохуа...

— Ты зовёшь её Сяохуа?

Этот вкрадчивый, чарующий голос заставил содрогнуться каждого во дворе. Его сладость дурманила разум подобно небесной флейте, рождая непреодолимое желание склониться перед его обладателем.

Небо расцветилось мириадами осыпающихся лепестков. Огромный лотос из чистейшего пурпурного тумана медленно опустился прямо во двор усадьбы. На лепестках лотоса выстроились прекрасные прислужники, чьи одежды сияли всеми цветами радуги, а в причёсках пламенели перья павлинов. На самом лotosовом престоле вальяжно полулежал юноша с копной сиреневых волос и бездонными фиолетовыми глазами.

Молодой хозяин Долины Десяти Тысяч Демонов, Цзоу Хо. Окинув презрительным взглядом павшую ниц толпу, он устремил хищный взор на Янь Фуи.

Янь Фуи едва заметно поморщился. Один лишь взгляд на это холёное лицо отозвался в его груди острой, невыносимой болью. Давно затянувшиеся раны на сердце вспорол заново, будто ядовитая змея, таившаяся во тьме, улучила миг и нанесла смертельный удар.

Цзоу Хо поднялся со своего ложа и неспешным, скользящим шагом приблизился к пленнику.

Память демона была разорвана в клочья, но этот облик вьелся в неё намертво. Матушка и благородный брат Сяо Фэн в один голос твердили, что именно этот человек похитил его из Дворца Красного Лотоса, подверг чудовищным пыткам и лишил воспоминаний. Всю его сущность выжигала лишь одна слепая жажда мести.

Но почему тогда на куньлуньской Террасе Испытания Совести, когда небесный гром крушил кости предателя, Цзоу Хо не почувствовал торжества? Лишь глухой, необъяснимый страх сковал тогда его душу. Страх столь же нелепый, как и то щемящее чувство, что поднялось в нём сейчас, стоило услышать этот ласковый, до боли знакомый голос, зовущий зарёванную деревенскую девчонку.

Цзоу Хо рванулся вперёд и стальной хваткой вцепился в плечо Янь Фуи. Тонкие, хищные пальцы вонзились в плоть, словно когти.

Чеканя каждое слово, он спросил:

— Как ты её назвал? Сяохуа?